

**Козмин Николай Дмитриевич**

**Двоеверие народа русского,  
выразившееся в его духовных  
стихах**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Н63

Н63      **Николай Дмитриевич К.**  
Двоеверие народа русского, выразившееся в его духовных стихах / Козмин Николай  
Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 74 с.

**ISBN 978-5-519-89718-1**

**ISBN 978-5-519-89718-1**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



щіе страшною силой, воинственною отвагой и буйнымъ характеромъ.

Такія качества были необходимы для древняго язычника-славянина. Кроткій по характеру и физически слабый человѣкъ былъ послѣднимъ человѣкомъ въ этомъ мѣрѣ борьбы и разгула. Грубая сила, дерзость и удалъ отвоевывали человѣку въ языческомъ мѣрѣ видное мѣсто между людьми и ручались ему за его благосостояніе.

Выступали противъ страны родной силы враждебныя, олицетворенныя творчествомъ народнымъ въ видѣ Змѣевъ-Горыничей, Тугариновъ-Змѣевичей, Соловьевъ-разбойниковъ, Жидовиновъ и пр., и вотъ стремились въ бой витязи русскаго эпоса, вооруженные тяжкими чугунными палицами и булатными копьями, ища, по выраженію древняго пѣвца, себѣ чести, а князю—славы. Честь и слава земная, возможность перехвастать всѣхъ на пьяномъ пирѣ князя были конечнымъ предѣломъ желаній героя, котораго изображаетъ намъ русское народное творчество древняго дохристіанскаго періода.

Нравственными качествами отличались только нѣкоторые изъ героевъ эпоса, созданные народомъ уже на высшихъ срав-

нительно ступеняхъ его жизни. Идеалы язычника были позади; это были древнѣйшіе богатыри, давно уже сошедшіе со сцены, слава которыхъ жила въ дѣдовскихъ преданіяхъ. Съ ними желалъ сравняться въ силѣ эпическій герой въ періодъ язычества.

Свойственное эпосу всѣхъ народовъ исканіе героями меча—кладенца, принадлежащаго древнѣйшимъ представителямъ силы, выражаетъ ничто иное, какъ именно это желаніе героев—потомковъ сравняться въ силѣ съ героями—предками. Боги славянина, не будучи героями, какъ напр., боги Греціи, а изображая собою олицетвореніе космическихъ силъ, также не могли быть идеаломъ для славянскаго витязя.

Даже рѣшеніе самаго неотступнаго и роковаго вопроса, вопроса о смерти могло быть для славянина лишь слабымъ побужденіемъ къ улучшенію себя, но улучшенію опять-таки въ грубомъ, внѣшнемъ смыслѣ, въ смыслѣ отчаянной удали, храбрости и физической силы.

Загробная жизнь, представляемая язычествомъ вообще въ смутномъ и неопредѣленномъ видѣ, была для славянина ни-

чѣмъ другимъ, какъ продолженіемъ этой земной жизни. Умершій, по понятіямъ нашихъ предковъ, оставался здѣсь же на землѣ, только въ состояніи, невидимомъ для живыхъ людей. Душами умершихъ населялось въ воображеніи славянина все, что поражало неразвитый умъ своею таинственностью.

Недовѣдомая, безмолвная пучина великихъ рѣкъ земли русской, таинственный мракъ густыхъ ея лѣсовъ, въ дикой свободѣ скрестившихъ вѣтви свои надъ этими рѣками,—вотъ мѣстожителства душъ по понятіямъ нашего предка, древняго язычника. Жизнь ихъ здѣсь есть также земная жизнь, только облеченная таинственностію. Имъ такъ-же доступны здѣсь голодъ и жажда, холодъ и зной, радости и печали, какъ и тѣмъ, кто остался въ живыхъ. Такъ-же страдаютъ онѣ во время зимы, такъ-же алчутъ пищи и насыщаются ею во время жертвоприношеній въ дубравахъ, такъ-же радуются и оживаютъ онѣ съ наступленіемъ красныхъ дней весенняго расцвѣта природы.

Для такой будущности не слѣдовало много заботиться объ украшеніи себя нравственными качествами. Герой войны

и пира скорѣе могъ разсчитывать на посмертную честь, нежели тихій труженникъ на поприщѣ морали. Сверхъ того путь добродѣтели, немыслимый безъ пожертвованій и лишеній для человѣка, вовсе не имѣлъ для себя соотвѣтствующей награды въ смутныхъ представленіяхъ будущаго, которыми жило язычество.

Вотъ каковы были въ главномъ и общемъ своемъ видѣ воззрѣнія славянскаго язычества. И творчество народное, согласно съ такими воззрѣніями, въ такомъ именно духѣ создавало любимые образы.

Но вотъ мало-по-малу начали проникать въ русскую землю лучи христіанства, проводившаго воззрѣнія, діаметрально противоположныя воззрѣніямъ нашихъ предковъ-язычниковъ. Оно стало учить о невидимомъ Богѣ, о Его откровеніяхъ людямъ, будущемъ по заслугамъ воздаяніи и т. д. Народъ, привыкшій къ своимъ прежнимъ воззрѣніямъ, вполне, такъ сказать, сжившійся съ ними, не могъ, конечно, прямо бросить ихъ и перейти на сторону новаго ученія; не могъ онъ этого сдѣлать потому, что новая религія съ ея новыми воззрѣніями была недоступна его понима-

нію и не могла, по своей высотѣ и духовности, такъ обнять и проникнуть собою пекущейся о хлѣбѣ насущномъ народной жизни, какъ проникала ее во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ прежняя языческая религія.

При такомъ положеніи дѣла должна была неизбѣжно произойти борьба двухъ противоположныхъ міровоззрѣній; и она началась... Народъ, поддерживаемый волхвами, твердо стоялъ на своемъ, готовъ былъ нерѣдко жертвовать жизнію за любимыя свои вѣрованія. Новгородскія и Ростовскія битвы за вѣру служатъ краснорѣчивымъ тому доказательствомъ.

Но время взяло свое... Образованіе, сперва прививавшееся къ рускому народу очень туго, а потомъ цутившее довольно глубоко свои корни въ нѣдра народной жизни, проповѣди пастырей, ревностно заботившихся о просвѣщеніи евангельскимъ свѣтомъ своихъ пасомыхъ,—все это, взятое вмѣстѣ, мало-по-малу стало надламывать стойкость народа въ его прежнихъ вѣрованіяхъ,—онъ сталъ податливѣе.

Впрочемъ, и теперь народъ рускій не вполне отказался отъ своихъ завѣтныхъ вѣрованій. Усвоая, подѣ влияніемъ про-

свѣщенія, новое ученіе, онъ отчасти оставался вѣренъ и прежнему міровоззрѣнію; только этимъ остаткамъ прежнихъ своихъ вѣрованій онъ придавалъ христіанскій колоритъ.

Такъ образовалось то состояніе русскаго народа, которое, по справедливости, названо двоевѣріемъ, т. е. соединеніемъ воедино христіанскаго ученія съ остатками язычества.

Съ этихъ поръ,—со времени сліянія у нашихъ предковъ двухъ вѣрованій,—творчеству народа открылась новая обширная область дѣятельности и оно стало черпать изъ этихъ смѣшанныхъ понятій богатый матеріаль для составленія новыхъ былинъ и сказаній о новыхъ герояхъ, герояхъ не силы и войны, а вѣры и благочестія, т. е. о святыхъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ народная фантазія перенесла всѣ атрибуты богатырства изъ своего древняго эпоса <sup>1)</sup>.

Такъ возникъ новый эпосъ—религіозный, выродившійся изъ древняго героическаго эпоса. По содержанію своему

---

<sup>1)</sup> Всѣ христіанскіе, извѣстные народу мученики—воины: Георгій, Феодоръ Іверскій, Феодоръ Стратилатъ и Д. Іоаннскій снабжены этими атрибутами.

онъ можетъ быть раздѣленъ на три огромные отдѣла: отдѣлъ духовныхъ стиховъ о началѣ міра,—космогонію религіознаго эпоса; отдѣлъ стиховъ объ искупленіи и о святыхъ христіанскихъ,—легенды и, наконецъ, отдѣлъ стиховъ о страшномъ судѣ и кончинѣ міра,—теологію религіознаго эпоса.—

Поставляя цѣлью своего сочиненія выясненіе по духовнымъ стихамъ двоевѣрія русскаго народа, мы не считаемъ необходимымъ дѣлать анализъ всѣхъ этихъ отдѣловъ духовныхъ стиховъ; не считаемъ нужнымъ потому, что не всѣ эти отдѣлы духовныхъ стиховъ отличаются двоевѣрнымъ характеромъ. Третій, напр., отдѣлъ, по нашему мнѣнію, стоитъ на чисто христіанской точкѣ зрѣнія, и если въ немъ можно усматривать какіе-нибудь слѣды языческихъ вѣрованій, на ряду съ христіанскими, то очень слабые, почти незамѣтные.

Наиболѣе двоевѣрнымъ характеромъ отличаются стихи перваго и втораго отдѣловъ и, частію, нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ,—изъ перваго—стихъ о Голубиной книгѣ, а изъ втораго—сказаніе о Егоріи Храбомъ.

Въ виду послѣдняго обстоятельства, мы

вмѣсто общаго анализа всѣхъ духовныхъ стиховъ, намѣрены наиболее внимательно остановиться только на этихъ двухъ указанныхъ стихахъ. Къ этому нужно прибавить, что, избирая для анализа эти два стиха, — стихъ о Голубиной книгѣ и о Егоріи Храбромъ, мы имѣли еще одну важную цѣль.

Оба эти стиха, и особенно стихъ о Голубиной книгѣ, имѣютъ множество варіантовъ, которые по духу довольно порядочно разнятся между собою; такая многочисленность варіантовъ—вещь въ данномъ случаѣ очень важная.

Слѣдя внимательно за этими варіантами, мы можемъ видѣть, какъ двоевѣріе русскаго народа въ своемъ теченіи измѣнялось, — сперва оно было особенно ясно, очевидно, — слѣды языческихъ вѣрованій нашихъ предковъ обнаруживались вполне отчетливо, въ послѣдствіи-же слѣды эти уже становятся менѣе замѣтными.

Въ стихѣ о Голубиной книгѣ, прежде всего, останавливаютъ наше вниманіе введенныя главные дѣйствующія лица; въ подборѣ ихъ замѣтенъ, намъ кажется, остатокъ языческихъ вѣрованій нашихъ предковъ.

Первымъ лицомъ здѣсь является Давидъ царь, а за нимъ непосредственно выступаетъ царь Волотъ. Царь Давидъ — лице вполне извѣстное; оно заимствовано нашими предками изъ библіи; но что же за личность этотъ царь Волотъ, рядомъ съ Давидомъ поставленный?

Имя Волота означаетъ великана. Это мифическое существо вошло въ стихъ изъ глубочайшей древности, которая даже въ памятникахъ народной поэзіи, какъ можно судить по былинамъ, уже подернулася туманомъ. Поэтому образъ Волота нашей народной поэзіи представляется крайне сбивчивымъ и неяснымъ. Онъ какъ будто бы сродни и апокрифическому Китоврасу, который занимаетъ весьма видное мѣсто въ сказаніяхъ о Соломонѣ.

Но несомнѣнно то, что Волотъ — одинъ изъ древнихъ великановъ, какимъ, по преданіямъ, были всѣ люди древности, населявшіе землю. Г. Аѳанасьевъ, изслѣдователь народной поэзіи, приводитъ выдержку изъ малороссійскаго сказанія о великанахъ, которыхъ нога хватила бы по плечо теперешнему чедовѣку. Эти люди, увѣряетъ Аѳанасьевъ, и называ-

лись Волотами <sup>1)</sup>.

О такомъ значеніи имени Волота свидѣтельствуешь и г. Буслаевъ въ своихъ очеркахъ. <sup>2)</sup> Итакъ, несомнѣнно, Волоть—это общій типъ великана и богатыря, типъ, который по своимъ признакамъ близко подходитъ ко всѣмъ древнимъ мифическимъ богатырямъ, и выведение его на сцену, какъ совопросника Давида въ рѣшеніи міровыхъ вопросовъ, свидѣтельствуешь не о иномъ чемъ, какъ о слѣдахъ народнаго двоевѣрія.

Указавъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ стихѣ, мы не можемъ не обратить вниманія на ихъ отношенія между собой по разнымъ вариантамъ этого стиха. Эти отношенія по разнымъ вариантамъ измѣняются.

Въ одномъ вариантѣ <sup>3)</sup> какъ Волоть, такъ и Давидъ, являются совершенно равными и попеременно задаютъ другъ другу міровые вопросы:

„Рече царь Давидъ Евсеевичъ

---

<sup>1)</sup> „Поэтич. воззр. славянъ на природу“, т. II, стр. 784.

<sup>2)</sup> „Истор. очерки русской народной словестности и искусства“ т. I, стр. 456.

<sup>3)</sup> „Калѣки переходіе“, —сб. стиховъ—Безсонова; вып. 2 й, стр. 336.